Проблемы общественного сознания

Л. Н. Тимофеева

Социально-психологическое измерение политической модернизации[1]

Тимофеева Лидия Николаевна — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель Правления Российской ассоциации политической науки, вице-президент Академии политической науки (e-mail: timofeeva@rane.ru).

Аннотация. В статье даётся анализ страхов и тревог различных социальных групп россиян (разных политических убеждений и материального достатка), которые заставляют власть не только активизировать процесс политической модернизации, но и подталкивают ее к выбору определенной модели реформирования политической системы и осуществления экономических перемен.

Ключевые слова: страхи, тревоги, модернизация, реформирование, перестройка, кризис.

Политический процесс в современной России невозможно рассматривать только в плоскости структурно-функциональных, институциональных или коммуникативных подходов, что наиболее характерно сегодня для отечественных исследователей. Важно привлечь к его изучению социально-психологический анализ. Дело в том, что в условиях модернизации, реформ, которые всегда протекают в ситуации политической нестабильности, да еще и нередко сопровождаются социально-экономическими кризисами, люди испытывают страх, тревогу за свое нынешнее и будущее состояние.

Известному французскому философу Франсуа де Ларошфуко принадлежит крылатое выражение: «Мы обещаем согласно своим надеждам, а поступаем согласно своим страхам». Действительно, страх — мощный двигатель

[1] Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Модернизация и политическое развитие России», проект № 11-03-00278а.

политических и гражданских процессов в стране. Причем страх испытывает не только народ, но и политическая элита, и народившийся средний класс. Всех их сегодня тревожат вопросы: как выжить в условиях модернизации, не потеряв своего статус-кво?

Прежде всего, что такое страх? Страх — очень сильный испуг, события, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса, риск, ответственность за исход чего-нибудь[1]. В психологии — это отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, причинам, принципам и т.д.)[2]. И, безусловно, такие катаклизмы, как мировые войны, социальные революции, межнациональные конфликты и экологические бедствия, потрясшие Россию в XX веке, влияли и сегодня влияют на формирование сознания и гражданской идентичности россиян, создают их политические ориентации. Напомню, что политические ориентации — это представления людей о соответствующих их потребностям целях политической деятельности и приемлемых для них средствах достижениях этих целей. Политические ориентации это и социально-психологическое образование. Словесно выражаемые в них идеи и ценности в той или иной степени сочетаются с осознанными или неосознанными предпочтениями и мотивами, которые люди переживают на эмоциональном уровне[3]. К примеру, в ситуации, воспринимаемой людьми как опасно-тревожная, когда в стране свирепствует тяжелый экономический кризис или ей угрожает внешний враг, возрастает притягательная сила жестко авторитарных политических ориентаций[4].

Люди пытаются преодолеть страх и неуверенность путем сплочения в жестко организованную и жестко управляемую общность. Потребность в общественном порядке, дисциплине, неукоснительном соблюдении норм, ограничивающих индивидуальную свободу, потребность в твердой власти, способной контролировать поведение людей и их готовность подчиняться ей, — все эти тенденции выступают как механизм психологической защиты. Не случайно во времена правления Б. Н. Ельцина, когда страна находилась в ситуации разрухи и криминализации отношений после развала СССР граждане больше всего жаждали «закона и порядка». Это показывали все социологические опросы, и общественное мнение весьма благожелательно рассматривало приход к власти военных (генералы Руцкой, Лебедь, Шаманов, Казанцев и др., замену Ельцина бывшим разведчиком Путиным).

Надо заметить, что традиционно политическая культура россиян отличается повышенной тревожностью. Страхи образуют некоторый фон повседнев-

---

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М. , 1968. — С. 762.

[2] Философия. Энциклопедический словарь. — М., 1989. — С. 629.

[3] См.: *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. — М., 1996. — С. 287.

[4] Что волнует россиян накануне выборов. Рейтинг страхов. Интервью с директором Левада-Центра Л. Гудковым // Аргументы недели. — 2011. — 19 октября.

ного существования людей, но эти страхи, скорее, выражение того, что именно люди ценят, но не могут по-другому выразить, что боятся потерять. Боятся, в первую очередь, за своих близких, поскольку все главные интересы, заботы людей сосредоточены именно в семье. Боятся нищеты и бедности и традиционно боятся войны. Есть и актуальные причины для страхов или реактивных страхов, связанных с какими-то событиями, серией терактов или эпидемией, или несколькими катастрофами, когда панические настроения захватывают значительную часть населения.

Кроме того, страхи распределены в обществе неравномерно. Молодежь меньше заражена ими, а люди среднего возраста, в частности, женщины, и пожилые пребывают в постоянном режиме опасения, повышенной тревожности.

Разные группы населения обеспокоены в силу разных причин. Больше тревожатся жители сел и малых городов. Это зоны социально-хронической депрессии. Но и в мегаполисах сегодня тревоги не меньше: боятся, в первую очередь, роста цен, инфляции, которая съедает весь эффект от индексации пенсии, повышенных зарплат и государственного вливания.

В целом, по данным социологов Левада-Центра, 60 % населения России волнует рост цен, на втором месте (42 %) — угроза безработицы[1]. Далее идет рост преступности (24 %) и произвол властей, чувство незащищенности — (18 %).

Все страхи в своей совокупности рождают недоверие к окружению: 80 % россиян говорят, что с людьми надо быть настороже, что им доверять нельзя[2].

Соответственно, это переносится на политические рейтинги, на ожидания адекватной политики властей.

Если бедные слои населения и депрессивные регионы, патерналистски ориентированные, больше всего ожидающие помощи от власти, были настроены на победу партии «Единой России» и ее кандидата в президенты В. В. Путина на ближайших выборах 2011 и 2012 гг., то для среднего класса, обеспеченных групп населения эта перспектива становилась источником сильной тревоги. Необходимо отметить, что хотя в России средний класс небольшой, но он влиятельный, поскольку он создает тон отношения и понимания ситуации в стране. Его взгляды тиражируют и телевидение, и пресса. Именно средний класс менее всего хотел бы получить в стране авторитарный режим на ближайшие 6–12 лет. Он настроен на демократические преобразования в России, поэтому государственный патернализм его не устраивает.

---

[1] Примечание: Безработица в России не очень высока по мировым и, особенно, по европейским меркам. Больше пугает скрытая безработица, существующая задержка зарплаты у 13 % работающего населения. И хотя по сравнению с 1998 годом, когда задержки зарплаты охватывали примерно 55 % и продолжались до 7 месяцев, сегодня ситуация не такая ужасающая, но память о прошлом создает негативный фон для общественных настроений.

[2] См.: Что волнует россиян накануне выборов….

Обеспеченных людей пугает отсутствие четких правил игры, и, прежде всего, независимого суда, который не может им гарантировать ни права на частную собственность, ни сохранность капиталов. Все это сказывается на отношении к первым лицам и к общей ситуации в Отечестве.

Любопытно, что страхи как патерналистски, так и демократически настроенных граждан, казалось бы, весьма противоположные, создают удивительное слагаемое. Еще до декабрьских и мартовских выборов, по опросам Левада-Центр, 57 % респондентов считали, что население устало ждать выполнения обещаний от Медведева и Путина. И хотя ресурс поддержки тандема поначалу был достаточно велик, но он медленно, но неизменно снижался.

До выборов сложилась следующая ситуация: ожидание перемен к лучшему таяло заметно быстрее, чем оценки положения семьи, стабильности или даже экономического состояния России в целом. Осенью 2011 года образовалось неустойчивое равновесие: 52 – 53 % россиян не надеялись на то, что правительство в состоянии справиться с кризисом и оценивали его скорее негативно, а 44 – 47 % граждан верили, что оно найдет способы выхода из него. Впрочем, социологи не ожидали никаких драматических изменений в ближайшее время, поскольку от 54 до 70 % респондентов ответили, что в ближайшие годы все останется как сегодня. Это не означало уверенности в будущем, скорее указывало на то, что население оценивало ситуацию как неопределенную[1].

В целом на протяжении 20 лет общественные настроения в России претерпели следующую динамику: депрессивный фон 90-х и начала 2000-х сменило ощущение стабильности, затем до 2009 года превалировали надежды на будущее, уверенность в том, что кризисы все прошли и в дальнейшем ситуация будет все лучше, но затем в связи с мировым кризисом страхи, отчаяние, обиды, ожесточение заместили чувство оптимизма, ощущения того, что люди сами определяют свою жизнь. Сегодня — это уже преобладающий фон.

После победы В. В. Путина на президентских выборах 4 марта 2012 года бедные слови населения, составляющие большинство в России, ждут от Путина выполнения предвыборных обещаний по социальным программам, то есть, прежде всего, проведения социально ориентированной политики, государственной поддержки образования, медицинского обслуживания, развития инфраструктуры. Это означает на языке политики — сохранение статус-кво (пусть небольшое, но прибавление социальных выплат пенсионерам, малоимущим, учителям, студентам и т.д., что и делало правительство при премьере Путине), а еще лучше — переход к социальному государству, проведение па-

[1] По оценкам Левада-центра, в октябре 2011 года 70 % населения так и живет, не обладая никакими ресурсами накопления. Примерно у 20 % есть небольшие накопления, которые позволили бы семье в случае потери работы или каких-то драматических обстоятельств прожить таким же образом 3 – 4 месяца. Иначе говоря, ресурс людей крайне ограничен. Только у 9 – 10 % опрошенных есть серьезные накопления, которые позволили бы им прожить от полугода до года.

терналистского курса, введение прогрессивной шкалы налогов, что в большей мере должно затронуть доходы зажиточных слоев.

Средний класс (немногочисленный, но активный), напротив, требует проведения политических реформ: демократизации политической системы, т.е. сокращения полномочий президента в пользу парламента, переход к действительной многопартийности, создание независимой судебной системы, условий для проведения честных выборов без вмешательства административного ресурса, возвращение института выборности губернаторов, снятие налоговой нагрузки со среднего и мелкого бизнеса и т.д.

Именно поэтому 24 – 26 % опрошенных Левада-Центром почувствовали себя задетыми и оскорбленными, когда в сентябре 2011 года на съезде «Единой России» тандем публично огласил о готовящейся рокировке В. Путин — президент страны, Д. Медведев — глава правительства), расценив это как сговор за спиной народа еще до оглашения результатов выборов. Не случайно голосование за кандидатуру президента страны в определенной степени было протестным, и по итогам голосования самовыдвиженец от бизнеса Михаил Прохоров впервые в России вышел на третье место после кандидата «статус-кво» и кандидата от КПРФ, на победу которого рассчитывала ностальгирующая по надежным советским временам часть населения.

В результате В. В. Путину придется в ближайшие годы решать архисложную и противоречивую задачу. Сложную потому, что страна фактически поделена на «западников» и «славянофилов» или «традиционалистов». Эта антиномия воспроизводится в России уже не один век. Причем страхи тех и других получают специфическое политическое преломление.

Проводя исследования в рамках проекта «Катастрофическое сознание в современной России» в 1999 году, ученые-социологи из Санкт-Петербурга задали 1007 респондентам, представляющим всю территорию страны, два вопроса, позволивших разделить их на «западников» и «традиционалистов»[1]:

1) Какие политические партии, движения, образ мыслей вам наиболее близки в настоящее время и какие вы решительно отвергаете?

2) Какой путь экономических преобразований представляется вам предпочтительным?

В результате опросов и образовались «либералы» и «державники» или западники и традиционалисты, по-разному воспринимающие опасность.

---

[1] К «западникам» были отнесены россияне, которые считают, что для страны предпочтительны смешанная экономика, либеральные взгляды на продолжение рыночных реформ, активное включение России в мировое сообщество, иногда даже на невыгодных условиях. К «традиционалистам» были отнесены те, кто выступает за смешанную экономику, но при укреплении роли государственной собственности и усилении элементов централизованного планирования. Важным моментом для них является возрождение страны как великой мировой державы и сохранении самобытности России. (*Шубкин В. Н., Иванова В. А.* Страхи на постсоветском пространстве // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 3 (41).).

Вердикт был таков: «У державников превалирует страх потерять свое государство, потерять национальный суверенитет, страх превратиться в жителя колонии… Что касается новых западников, то они по большей части являются рабами страха перед российской государственностью. Им кажется, что воссоздание сильной власти приведет к возрождению тоталитаризма, политического насилия и ксенофобии»[1]. Но, что удивительно, при разности отношений и те, и другие одинаково боялись материальных, биологических и социальных катаклизмов, а не духовных.

Попробуем в связи с нашими рассуждениями подвести некоторый итог.

1. Страхи богатых и бедных, а также среднего класса, хотя и объединены желанием либо улучшить свое материальное и социальное положение, либо не упустить его, все же имеют в России разное политическое воплощение. И политическому классу во главе с В. В. Путиным придется работать именно с этими страхами населения, подвигнуть его выбрать и поддержать такой путь развития страны, который поможет гражданам в первую очередь освободиться от них. Отсюда — необходимость решения дилеммы, какой путь политической модернизации избрать: китайский, сингапурский (автократический) или европейский, американский (демократический)? Но при этом нельзя забыть о новом надвигающемся экономическом кризисе: предыдущий кризис страны Запада преодолевали с помощью государства, спасая банки и транснациональные корпорации. А может быть, есть другой вариант, который выведет Россию вновь в лидеры, когда требуется гибкая стратегия использования возможностей государства и отчасти его патерналистской политики по отношению к бедным и одновременно демократизация отношений в стране, но жесткое соблюдение закона и порядка, будь то экономика или политика? Политическая оппозиция не должна превращаться в анархическую толпу, а государство не имеет права становиться «современным феодалом», президент — «новым монархом».

2. Страхи западников и славянофилов также связаны с усилением или ослаблением роли государства, а, значит, государства должно быть ровно столько, чтобы решить материальные проблемы этих слоев и защитить Россию, в которой и те, и другие должны получить возможность для своего духовного развития и, наконец, … примирения. Не исключено, что и через евразийский путь развития.

3. В связи с предыдущими положениями на повестку дня встает вопрос о политической и духовной интеграции нации-государства, гражданской идентичности россиян.

В условиях многочисленных политических, социальных и экономических катаклизмов, которые пережила страна в прошлом столетии, у граждан вели-

[1] Российский проект: как выжить и сохранить национальную идентичность // Независимая газета. — 2001. — 11 апреля.

кой державы произошли разрывы исторической памяти, они словно потеряли представление о самих себе. В зависимости от того, как разные слои общества вышли из этих периодов, с позитивными или негативными результатами для себя, уровнем и качеством жизни, такую оценку они получили у них не без известной доли мифологизации. Отсюда воспевание одними предреволюционных лет, другими — советского периода, третьими — ельцинского этапа развития страны. Вообще, социальные психологи считают, что социальная ностальгия по прошлому — индикатор нарушения связи времен, когда переживание действительности обращено к прошлому; настоящее оценивается в сравнении с ним, а будущее туманно. В отличие от обычной ностальгии, субъекты социальной ностальгии не отдельные люди, а целые слои, объектами социальной ностальгии выступают прежние общественный строй и социальный порядок. Социальную ностальгию часто определяют как созданный post factum миф о старом строе. Неслучайно во всех спорах на российском телевидении между «западниками» и «державниками» все чаще побеждают «державники» (в программе «Исторический процесс» на канале «Россия» Сергей Кургинян неизменно получает значительно больше зрительских симпатий, одерживая верх над Николаем Сванидзе).

Но есть основание для объединения и монархистов, и социалистов, и либерал-демократов. По опросам, которые проводил Институт комплексных социальных исследований (М. Горшков) при поддержке Фонда Эберта по теме «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998 – 2004 гг.) в 24 регионах России, в прошлое готовы вернуться те, чье материальное положение сегодня резко пошатнулось. Значит, если материально жизнь их улучшится, правила игры в стране будут более справедливыми, и при наличии обнадеживающего их социального и духовного проекта развития страны, они готовы будут принять такой современную Россию и считаться россиянами.

4. Наконец, еще один важный момент, который необходимо осмыслить, это страх общества потерять образ формирующегося у него потребного будущего, навеянного отчасти обещаниями власти, и связанную с этим перспективу новой жизни; страх людей, жаждущих перемен[1]. Он нашел выражение в «локальном модернизационном взрыве», свидетелями которого мы оказались в конце 80-х — начале 90-х годов, а также сразу после выборов парламента и президента зимой-весной 2011 – 2012 гг.

Это неожиданное для власти радикальное выступление немногочисленных, но весьма активных, использующих площадку неправительственных медиа (самиздат в 80-е годы, интернет и оппозиционные СМИ в 2011 – 2012 гг.), альтернативных истеблишменту общественных сил, которые по-иному ви-

[1] Эта так называемые «альтернативисты»: определенная часть правых и левых, молодых и пожилых, студентов и среднего класса, «партии власти» и оппозиции разного идеологического спектра, жаждущих перемен, по-разному их видящих и готовых в них участвовать.

дят развитие страны. Отчаявшись найти возможности для диалога с властью и используя ее ошибки, они выводят на улицу большие массы людей и готовы превратиться в новую политическую оппозицию. Пока у нее нет харизматических лидеров и программы (только отдельные лозунги), но ее институциализация не за горами. Это всегда довольно короткий в историческом масштабе период вегетации «альтернативистов», но если не найти с ними одного языка и канала общения, можно потерять власть и, возможно, государство. Так уже было при М. С. Горбачеве, когда он и возглавляемая им КПСС фактически отказали в диалоге альтернативистам (причины разные — снобизм и недальновидность партийно-политической элиты единственной партии в стране, неумение проводить гибкую политику в резко изменившейся ситуации, капитулянтские настроения и одновременно — желание силой вернуть свой статус-кво).

Причины нового модернизационного взрыва похожи на «антигорбачевский» и отчасти связаны с эффектом депривации, когда ожидания общества больше обещаний власти, а главное — ее реальных шагов в направлении политической модернизации; отчасти — в появлении нового социального субъекта — среднего класса и новых политических субъектов, переосмысливших старые идеологии и политические проекты: новые «новые левые», «новые правые», новые «евразийцы», националисты и т.д. Важно, чтобы в этой ситуации «страхи активной части общества» не испугали, не деморализовали саму власть, а, напротив, усилили бы ее ответственность перед большинством и меньшинством, заставили твердо и последовательно осуществлять назревшие политические перемены в стране.

© Тимофеева Л. Н., 2012